

МИР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Интеллектуальное наследие

*К 125-летию со дня рождения
Петра Петровича Сувчинского (1892–1985)*

В 2017 г. исполняется 125 лет со дня рождения музыковеда, публициста и издателя Петра Петровича Сувчинского (1892–1985). В эмиграции П.П. Сувчинский играл связующую роль между русской и французской культурой, при этом пропагандировал все лучшее, что было как в императорской России и русском зарубежье, так и в Советском Союзе. Его личность и вклад в историю русской культуры бесспорен, но не очевиден. До сих пор нет отдельного издания, в котором были бы собраны статьи П.П. Сувчинского, рассеянные в периодической печати и посвященные самым разным темам (музыке, литературе, истории, политике). Исследователям приходится по частям реконструировать его оригинальные взгляды и философско-эстетическое мировоззрение. Ниже помещены статьи, в которых представлен образ П.П. Сувчинского с точки зрения, прежде всего, его политической и издательской деятельности в период участия в евразийском движении.

От редакции

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
П.П. СУВЧИНСКОГО И ЕВРАЗИЙСТВО 1920-х ГОДОВ**

Б.В. НАЗМУТДИНОВ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена эволюции политических взглядов П.П. Сувчинского в период его участия в евразийском движении 1920-х гг. Особо исследуется роль Сувчинского в «кламарском расколе»: распад евразийского движения был связан не столько с органи-

зационными, сколько с идейными противоречиями. Обособление левого евразийства стало возможно благодаря радикализации до-евразийских идей Сувчинского с одновременным отстранением от подчеркнутой роли религии, которое прежде сближало его с Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким. Кроме того, произошел уход от проблемы «Востока», поскольку Сувчинский реанимировал свой интерес к «Западу». В отличие от «правых евразийцев» он следовал мысли, что евразийство «не дано, а задано», что оно представляет собой живую идею, раскрывающую себя во времени, а не набор основных догм раннего евразийства 1920-х гг. Началось то, что Н.С. Трубецкой впоследствии назвал «эстетизацией» политической позиции, использованием идей как палитры для собственного творчества. Идеология перестала восприниматься Сувчинским в «идеократическом» духе: как строгая система идей, доминирующая над практикой; автор стал апеллировать к историческому контексту развития идеологии. Подобное желание привело к первичному признанию status quo в СССР. В статье особо подчеркивается, что «левая», просоветская проблематика, отстаиваемая Сувчинским, в первой половине 1930-х гг. возобладала и в «правом» евразийстве.

Ключевые слова: русская эмиграция, евразийство, политика, идеология, общественно-политическая мысль, музыковедение, религия, культура, нация, государство, идеократия, республика, монархия, революция, кламарский раскол.

Назмутдинов Булат Венерович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

bnazmutdinov@hse.ru

Цитирование: НАЗМУТДИНОВ Б.В. (2017) Эволюция политических взглядов П.П. Сувчинского и евразийство 1920-х годов // *Философские науки*. 2017. № 11. С. 108–127.

Среди непростых для интерпретации классиков евразийства Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) выделяется особенной сложностью и противоречивостью. Музыковед и публицист, организатор культурных событий, панически боявшийся выступать на публике, он пробыл в евразийском движении около семи лет. После чего очень ненадолго возглавил «кламарское»

евразийство, но затем отошел от партийных дел, вернувшись к изучению музыки.

В связи со сложностью и переменчивостью взглядов Сувчинского, непросто вычленять и осмысливать его политико-правовые воззрения, взгляды на государство и сущность культуры. Несмотря на желание обосновать уникальность России, в том числе политико-территориальную, автор духовно всегда был сопричастен европейской культуре, цивилизации Запада. Как и другой евразиец, Николай Алексеев, он во второй половине 1930-х гг. пересмотрел свои политические и культурологические оценки советского государства. Эти два обстоятельства выделяют его на фоне иных лидеров евразийства. Цель данной статьи — показать, как менялись политические взгляды Сувчинского в связи с идеологической эволюцией евразийского движения 1920–1930-х гг.

«Политическим» в этой статье мы будем называть то, что относится к интересам и ценностям крупной социальной общности (государства, этноса, нации) в качестве целого, «микropolitическим» — нечто, связанное с интересами отдельной социальной группы (партии, движения). Эволюцию идей евразийства мы будем прослеживать на основе опубликованных текстов движения, статей отдельных ученых, их эпистолярного наследия, достаточно хорошо представленного в современной науке.

Творчеством Сувчинского занимались историки, культурологи, литературоведы и музыковеды, что связано с разнообразием его опыта организатора, публициста, искусствоведа и культуртрегера. Размах интересов автора даже позволил исследователям назвать его двуликим Янусом, внимание которого было приковано одновременно к музыкально-эстетической и политической сторонам жизни.

Деятельное начало натуры Петра Сувчинского сформировалось не без влияния отца, бывшего председателем правления товарищества «Нефть». «Нефтью» впоследствии именовалось и «евразийство»: в переписке между собой «нефтяники» использовали кодовые слова и обозначения, скрывая от случайных читателей подлинные намерения.

Практическая деятельность автора началась в 1915–1917 гг.: вместе с Андреем Римским-Корсаковым Сувчинский издавал

журнал «Музыкальный современник». Вопреки мнению редактора он включил в число сотрудников журнала композитора Бориса Асафьева. Из-за этого якобы и произошел распад совместного проекта [Глебов 2010, 31]. Римский-Корсаков воспрепятствовал публикации рецензии Асафьева на один из концертов с участием Сергея Прокофьева, из-за чего Сувчинский с Асафьевым покинули «Музыкальный современник» и в 1917–1918 гг. издавали сборники «Мелос» [Колобова 2003, 9–11].

Нечто подобное, с некоторыми инверсиями, впоследствии повторилось и с евразийским движением, чей распад был вызван содержанием газеты «Евразия», издававшейся в 1928–1929 гг. Сувчинским. Последний, впрочем, сыграл важную роль не только в расколе евразийского движения, но и в его создании. Поскольку этот вопрос изучен достаточно хорошо, мы отметим пунктиром лишь важные события.

Сувчинский стал организационным «мотором» раннего евразийства. Первый евразийский сборник «Исход к Востоку» (1921) вышел в Русско-болгарском книгоиздательстве, которое Сувчинский учредил вместе с Николаем Жекулиным. Следующее евразийское издание «На путях» (1922) выпустило берлинское издательство «Геликон», которое нашел именно Сувчинский [Переписка 2011/2012, 152]. Позже он участвовал в создании в Берлине «евразийского книгоиздательства», а после переезда в Париж в 1925 г. организовал выпуск евразийских изданий уже во Франции.

Раскол евразийства на «правое» и «левое» произошел в конце 1928 г., но предпосылки для этого формировались постепенно. Поначалу Сувчинский был своеобразным медиатором между участниками движения, жившими в разных городах послевоенной Европы – Софии, Праге, Берлине. «Именно потому, что мы не политики, ультиматумов между нами быть не должно» [Переписка 2011/2012, 190], – утверждал П.П. Сувчинский в письме к другому участнику движения Георгию Флоровскому. Тем не менее «микрoполитический» нерв в евразийстве был весьма ощутим.

Сувчинский наряду с Петром Савицким был наиболее деятельным игроком на микрoполитической карте евразийства. Если Флоровский и Трубецкой дистанцировались от «политики» во многих значениях этого слова, то Сувчинский ее не чурался, пытаясь не только прочувствовать политический

нерв эмиграции, но и по мере сил сглаживать противоречия внутри движения. Он балансировал между Флоровским и его оппонентами Савицким и Трубецким, которым уход из общественно-политической сферы в область исключительно духовно-религиозной проблематики казался неверным. В итоге, как и другие, Сувчинский отверг позицию Флоровского [Переписка 2011/2012, 181], в связи с чем последний в 1923–1924 гг. дистанцировался от евразийства.

Несмотря на деятельное внимание к повседневности, Сувчинский опубликовал в «Исходе к Востоку» (1921) статьи вполне умозрительного характера: «Сила слабых» и «Эпоха веры». Кратко опишем содержащиеся в них идеи.

Первичной у Сувчинского является сфера религиозного. Абсолютное, религиозное начало запечатлевается в душе человека, наиболее совершенно оно отражается в музыке как творении человека: «В нашей жизни начало музыкальное и есть начало религиозное, ибо в религии и только в ней, *стихия* и *законность* не противопоставлены, не взаимно исключаются, а сочетаются, пронизывают друг друга» [Сувчинский 1922b, 174].

Впоследствии эта идея станет основой взглядов Сувчинского, выраженных в работе 1939 г. «Понятия о времени и музыка (размышления о типологии музыкального творчества)». Музыку, сутью которой было «онтологическое», реальное «время-хронос», Сувчинский именовал «хронометрической». «Ахронометрической» музыкой он называл ту, в которой господствовало «субъективное», психологическое начало. Исследователи полагают, что «музыкальный хронос, по Сувчинскому, есть наиболее ощутительная и человечески доступная форма избывания субъективного и приближения ко Времени Абсолюта» [Вишневецкий 2005, 63].

Религиозное начало, «Время Абсолюта», отражается в личности, а через нее и в начале коллективном, где важную объединяющую роль играет культура. Внутри коллективной стихии возникает начало властное или, как пишет Сувчинский, «великодержавное». Последнее вовсе не синонимично началу «государственному», которое может внутри сильного народа оказаться слабым и недоразвитым [Сувчинский 2008a, 42].

Автор утверждает, что великодержавность «есть предопределенная потенция властности, размаха и разлива всей народной сущности» [Сувчинский 2008а, 42]. Такой подход отчасти сближает Сувчинского с Трубецким, также считавшим реальность народов первичной по отношению к реальности государства [Трубецкой 2008, 151–152]. В отличие от них Петр Арапов, примкнувший к евразийству в 1922 г., полагал, что государство «формирует» нацию, задает ей контуры развития. Лев Карсавин после расставания с евразийством прямо называл государство «личностью», однако и во внутриевразийской переписке наблюдение за «многонародными» образованиями (например, США) приводило его к тому мнению, что государственность иногда предшествует «народному бытию» [Степанов 2002, 147].

Отрицание первичности государства по отношению к нации позволяло Сувчинскому полагать, что в России возможна только республика. В противовес Савицкому он отрицал возможность установления любой монархии, даже выборной. Сувчинский, во-первых, считал, что автократичность государственной власти возможна в монархии только тогда, когда полномочия монарха сопряжены с абсолютностью его суверенитета; в Советской России же автократичность правления основывается на том, что «верховенство власти» поддерживает не авторитет династии, а «народные корни». Во-вторых, по мнению Сувчинского, подчинение в монархии основано на признании иноприродности и сакральности правящей династии. Но после революции 1917 г. власть захватили люди сугубо «земные» и «соприродные», поэтому нельзя сразу установить монархию: произойдет противоестественное смешение сакрального и мирского.

Сувчинский считал, что «нужно искать будущие формы русской государственности в принципе народной автократии, наилучшим образом сочетающий в себе народный суверенитет с началом народоводительства» [Сувчинский 1927b, 24]. Принцип «народоводительства» автор толковал «идеократически», «в том смысле, что народ идейно-культурно и политически руководим выражающей его волю инициативной частью — “отбором”» [Сувчинский 1927а, 14]; этот принцип, по мнению публициста, типичен для коммунизма.

Подобный «идеократический» республиканизм был присущ не всем евразийцам, скорее кламарской группе, в целом признавшей коммунистическое правление. Важно установить причины такого признания.

Ключевым политическим понятием для Сувчинского после 1917 г. была «революция». Другие политические понятия по отношению к ней становятся релятивными, поскольку революция — символ не социально-политического, а, прежде всего, религиозного (и — музыкального), корневого преобразования мира, знак неприспособляемости жизни под сухие и однолинейные схемы рассудка.

Первая мировая война, по мнению Сувчинского, усугубила мировоззренческий кризис в Европе, которая выстояла из-за скрепленности прежде всего внешней, поверхностной силой. Европа смогла себя сохранять, поскольку слой западной культуры затрагивал большую сферу общественной жизни. Императорская Россия, обнажившая сдвиг времен, который Европа скрыла, не смогла пережить потрясения, рухнула, поскольку европейская «культурность» была привилегией интеллигенции, что и доказала революция [Сувчинский 1922а, 109–110]. Произошел пресловутый разрыв «верхов» и «низов», о котором писал Николай Трубецкой [Трубецкой 1921], дух не устоял без плоти.

«Бытийственная» правота большевизма, выраженная в русской революции, глубина его оснований способствовали в 1920-е гг. приятию советского строя Сувчинским, хотя изначально отношение автора к сменовеховству, принявшему революцию, и к СССР не было однозначным: «Самое страшное и непобедимое в борьбе с большевизмом это то, что врага, как определенного лица, как определенного содержания — нет. Поднимая меч против коммунизма — невольно поднимается рука на крепко сомкнутые и мощные поколения новой России, о которые разбиваются все попытки преодоления» [Сувчинский 1922а, 127]. Сувчинский подчеркивал, что «большевизм, в своей стихии — явление глубоко народное, и современное искусство, близкое в своих эстетических верованиях крайней интенсивности, к бессознательному народному эстетизму, конечно, не могло не почувствовать себя втянутым вместе со всею человеческой массой в общий головокружительный вихрь» [Сувчинский 2008b, 66].

В 1923 г. Сувчинский настаивал, что Православная церковь в Советской России – единственная обитель, хранящая истинное начало, и именно поэтому ее преследует советское государство. Глубинной проблемой была идеология коммунистической власти, из-за которой Россия была «глубоко заражена ядом социализма» [Сувчинский 1923, 29]. Именно поэтому Сувчинский выступал против советской «Живой церкви», воплощавшей собой «унию с коммунизмом и самопредательство» [Сувчинский 1923, 30].

Позднее терпимость левых евразийцев к большевистской власти из-за ее «органичности» [Карсавин 1929, 2] привела к примиренческой позиции. Хотя в письме к Николаю Устрялову Сувчинский подчеркивал, что к марксизму у него интерес «чисто аналитический», тон его высказываний говорил об ином. Называя правых евразийцев «галлиполийцами», преемниками «белого движения» [ГАРФб, 21], Сувчинский резко кренился в сторону «красных».

Положительное отношение Сувчинского к Советской России было лишь отчасти связано с желанием заняться активной культурной деятельностью, что в эмиграции было сложно осуществлять. Из-за недостатка в деньгах и, возможно, из-за стремления погрузиться в «подлинно полезную» для родины практику Сувчинский всерьез раздумывал еще в 1922 г. над возвращением в СССР, где ему якобы предлагали должность [Переписка 2011/2012, 169]. Георгий Флоровский и Сергей Прокофьев отговаривали его от такого шага.

Лишь отчасти важным можно считать влияние на Сувчинского сотрудничества евразийцев с организацией «Трест». Операция «Трест», разработанная ГПУ, способствовала политизации евразийского движения в середине 1920-х гг., но пражские евразийцы не перешли сразу на просоветские позиции. Упомянутый выше республиканизм Сувчинского был встроен в контекст формирования евразийского политического идеала, но привел к особенному результату.

Признание советской власти имело свои корни не только в политике, но и в культуре: «Вне связи с отвращением к коммунистической власти нельзя не признать, что за последние годы в России до максимума напряглось чувство социально-практической стихии. Именно эта стихия и обезвреживает

ядовитость коммунистической доктрины, превращая “философский” материалистический монизм Ленина в стихийный практицизм народной массы. Русская революция в народном понимании не атеистична и не социалистична, а стихийно *практична*. Раскрылся огромный плацдарм, на котором по-новому сталкиваются, наступают и отступают такие социальные силы, которые давно не участвовали в реальной жизни русской государственности» [Сувчинский 1926, 141], — этот фрагмент статьи из литературного журнала «Версты» по сути предвосхищал «кламарский раскол».

Обособление левого евразийства стало возможно благодаря радикализации прежних идей Сувчинского с одновременным отстранением от публичного акцентирования роли религии, которое прежде роднило его с Трубецким и Савицким. Кроме того, произошел уход от проблемы «Востока», был реанимирован интерес к «Западу». Большевистскую Россию на страницах «Евразии» Сувчинский даже именовал «Новым Западом» [Сувчинский 1928, 1–2]. С таким исходом был прежде решительно не согласен Николай Трубецкой, именовавший в «Наследии Чингисхана» (1925) русский большевизм губительным проектом новой европеизации. Впрочем, в отличие от Савицкого, Сувчинский никогда не отвергал Европу всецело, не настаивал на автаркичности России-Евразии. Для него Россия конца 1920-х гг. представляла новой реальностью Запада, даже сверх-Западом, кульминацией его потенций.

Общение с Дмитрием Святополк-Мирским и Максимом Горьким [Горький и его корреспонденты 2005], поездка в Сорренто в январе 1928 г. сильно повлияли на оценку Сувчинским советского коммунизма. В 1926–1928 гг. Сувчинский и Д.П. Святополк-Мирский издавали «Версты», где публиковали стихи советских поэтов. В статье 1927 г. о евразийстве, написанной по-английски, Мирский усматривал «неожиданную гармонию» православного мировоззрения евразийцев и коммунизма. Речь шла не только о близости коллективистских интуиций, но и об идее «преображения плоти». Если евразийцы утверждали «преобразование плоти» во имя духа, то марксисты настаивали на преобразении социальных отношений, которого они пытались достичь практическими усилиями — электрификацией, экономическими реформами и т.д. [Mirsky 1927, 316] В 1931 г.

Святополк-Мирский вступил в Коммунистическую партию Великобритании, позже вернулся в СССР, несмотря на совет Горького Сталину оставить его и Сувчинского в эмиграции, где они принесли бы значительно больше пользы.

В начале 1930-х гг. Горький привлек Сувчинского к сотрудничеству с советским журналом «За рубежом», помогал деньгами. Но гражданство СССР Петру Петровичу так и не дали, а впоследствии он сам отказался от этой идеи. С Горьким Сувчинский так и не смог согласиться в вопросах религии, но в других вопросах («признание коммунизма», отношение к русской эмиграции) мнение Горького было для него очень значимым.

Безусловно, важно влияние на Сувчинского переписки с Николаем Устряловым. Идеолог «национал-большевизма» упрекал евразийцев в спекуляциях на тему идеократии. По его мнению, не нужно было стремиться заменить коммунистическую идеологию иными концепциями, не исходя из реалий текущей советской политики, внутривластной борьбы и т.д. [Устрялов 2010]. Важно, прежде всего, говорить не о «правлящем отборе» и устранении коммунистической партии, а о «классовых интересах» и реформировании советского строя. Устрялов предостерегал от «фашизации» евразийства, желая создать партию со всеобъемлющей идеологией, стремлений построить в абстракции собственное государство, пользуясь собственным языком. Гораздо важнее, по его мнению, политическая тактика, отталкивающаяся от советского государственно-правового и идейного контекста. Важны не столько «идеологи» (в уничижительно-наполеоновском значении этого слова), сколько «спецы» и политики, умело скрывающие свои намерения.

Внешние влияния сыграли значительную роль в идейном развитии Сувчинского. В письме к Трубецкому Сувчинский подчеркивал: «Как Вы знаете, одним из основных своих заданий я считаю привлечение к евразийству высококвалифицированных спецов. Их нужно, конечно, обрабатывать в стиле и духе всей идеологии, но нельзя создавать (особенно теперь, когда мы только вырабатываем идеологию) для них идеологическую чеку [«ЧК»]. Если бы я в свое время так обращался с людьми, то мы не получили бы и того же Карсавина, и Франка, и Мирского... Возьмите для примера хотя бы пресловутый фашизм. В нем пре-

красно уживаются Муссолини и “муссолинизм”, т.е. партийная категоричность с вольной фашистской философией Джентиле» [ГАРФа, 192].

Началось то, что Трубецкой впоследствии называл «эстетизацией» политической позиции, использованием идей как палитры для собственной деятельности [Соболев 2008, 409]. Идеология перестала восприниматься Сувчинским в жестком «идеократическом» духе: как строгая система идей, доминирующая над практикой. Одновременно с этим желание отталкиваться от контекста привело к первичному признанию статус-кво в СССР с целью творчески развивать существующую ситуацию.

Вместе с другими кламарцами Сувчинский следовал мысли, что евразийство «не дано, а задано». Оно — не набор догм начала 1920-х гг., а живая идея, раскрывающаяся во времени. Клармарский ревизионизм привел к принятию политики советской власти. Устрялов заявлял в своих письмах Сувчинскому, что содержание газеты «Евразия» ему очень близко и его симпатии отнюдь не на стороне Савицкого и Трубецкого. Сувчинский был с ним единомышлен: «Я очень высоко ценю Н.С. Трубецкого, но отсутствие в нем какого-либо социального чутья делает его жестким и слепым политиком» [ГАРФб, 24]. Близость позиций Сувчинского и Устрялова, который сам отнюдь не безоговорочно поддерживал политику ВКП(б), выразилась в публикации статей классика национал-большевизма в «Евразии».

Поддержка политики СССР способствовала резкому уклону кламарцев влево, что обусловлено было изначально не только политическими, но и культурными причинами. «Левые» евразийцы, группировавшиеся вокруг газеты «Евразия», превзошли, по мнению Алексеева, в своем советофильстве даже сменовеховцев [Алексеев, Ильин, Савицкий 1929, 16]. К этому кругу Алексеев причислял не только Сувчинского, Святополк-Мирского и Сергея Эфрона, но и Карсавина, отделившегося от евразийства после переезда в Литву в конце 1920-х гг. Помимо упомянутых авторов в редакционный совет «Евразии» входили востоковед Василий Никитин, композитор Артур Лурье и др.

В первом номере «Евразии», впрочем, были опубликованы статьи Трубецкого, Алексеева, Савицкого. Камнем преткно-

вения, по мнению последнего, стало приветствие Марины Цветаевой адресованное Маяковскому, против публикации которого протестовали многие евразийцы [Шевеленко 1994].

Савицкий настаивал, что «ни на ком ином, как именно на Сувчинском лежит ответственность за коммуноидальные и коммунистические уклоны кламарской группы» [Трубецкой 2008, 287]. Также он особо подчеркивал, что Сувчинский монополизировал финансовые ресурсы движения, кламарскую типографию, не допускал до работы парижских евразийцев (Николая Алексеева и Николая Дунаева), небрежно относился к эмиссару пражан Константину Чхеидзе.

Ключевым на тот момент разногласием между левыми и правыми евразийцами было не организационное, а идейное. Необходимо ли следовать определенной идеологии, даже если она решительно противоречит текущему состоянию, или нужно подстраиваться под контекст, творчески его развивая?

Символом размежевания между правыми и левыми стала совместная брошюра Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого и В.Н. Ильина «О газете “Евразия”. Газета “Евразия” не есть евразийский орган» (1929) и эмоциональные выпады Сувчинского против пражан на страницах «Евразии» [Сувчинский 1929]. Печальным итогом раскола стало не только разделение на «правых» и «левых», «догматиков» и «инноваторов», но и отход Трубецкого от евразийства. В 1930-х гг. Трубецкой продолжал публиковать тексты евразийской направленности, но работу в движении он прекратил.

В сентябре 1929 г. выпуск газеты «Евразия» приостанавливается. 4 ноября 1929 г. Сувчинский пишет Устрялову, что «Евразия – временно закрыта за отсутствием средств». В 1930 г. Сувчинский все еще ищет деньги для «Евразии» [ГАРФб, 26, 27]. При этом Устрялов советует не связывать себя обязательствами с советскими правящими кругами.

С исчезновением газеты ушло в небытие и «клармарское» евразийство. Карсавин, живущий и преподающий в Литве, отделился от евразийского движения. Святополк-Мирский в 1931 г. вступил в Коммунистическую партию Великобритании. Эфрон стал агентом советской разведки.

Правые евразийцы, в отличие от кламарцев сохранившие свой организационный костяк, в 1930-е гг. резко накрени-

лись влево. В декларации 1932 г. была высказана поддержка советской плановой экономики – вероятно, это случилось благодаря впечатлениям от успехов в СССР на контрасте с экономическим кризисом в Европе и США. Несмотря на прежние заявления Савицкого о важности «частника» в экономических отношениях, декларация провозглашала, что «евразийская государственно-частная система *служебна* в отношении интересов трудящихся. Частное начало признается в ней в функциональном порядке, т.е. поскольку оно выполняет определенную функцию по поднятию общего благосостояния и заполнению тех пробелов и прорывов в производстве и распределении, которые оставляет государственное хозяйство» [Евразийство 1932, 4].

В 1920-е гг. в своем базовом идеократическом стремлении правое евразийство пересекалось с марксизмом: не как экономикоматериалистической философией, но как метатеорией, всеобъемлющей идеологией см.: [Алексеев 1958, 180; Алексеев 1936]. Евразийцы стремились преодолеть «материалистический» принцип советского государства, обосновать его нравственно и религиозно, а не экономически. Наконец все государственно-правовые проекты евразийцев представляли собой творчески переосмысленные конституционные акты Советской России.

В 1930-е гг. советский социализм стал камертоном развития всего евразийства, которое колебалось, если не вместе с линией коммунистической партии, то в определенной зависимости от нее. Внутри правого евразийства происходили дискуссии между различными направлениями – просоветским и левым «рижским», умеренно левым «брюссельским», умеренно правым «пражским» и правым, антисоветским «белградским». В обсуждении участвовали парижские евразийцы, отколовшиеся от кламарцев, а также несколько «лондонцев» (4). Нечто подобное Клармарскому расколу снова случилось весной 1933 г.: от основного движения отходит рижская группа [Письмо 1933, 25], заняв просоветские позиции, в том числе по вопросам религии [Положения 1932].

Идеи «новых левых» были схожи со взглядами Сувчинского. К примеру, идея «государства труда» Ивана Степанова, трактовавшего евразийство в духе христианского социализма, близка

идее Сувчинского о «страховом государстве» [Сувчинский 1928, 2].

Несмотря на формальное поражение, «кламарская» проблематика возобладала в правом евразийстве. В пылу полемики Александр Антипов настаивал, что евразийство не эмигрантское, а советское течение [Информационный отдел 1933]. Это выглядело курьезно: в советской печати евразийство именовалось «белоэмигрантским фашизмом» [Корбут 1932]. Статьи о «коллективизации», «земельной проблеме», «кооперации», «правом уклоне ВКП(б)» постоянно печатались в журнале «Евразиец», создавая впечатление, что общественно-политические проблемы Европы авторов вовсе не интересовали.

Абстрагируясь от пресловутого «раскола», можно увидеть близость политической философии Алексеева и Сувчинского, например, в отношении к коллективизму. Оба стремились избежать крайностей либерально-демократического индивидуализма и коллективизма. Сувчинский настаивал: «Если религия, воздвигая единую форму соборной личности — этим самым, как бы сплавляет личное начало в некий коллектив, в некий комплекс, то, наоборот — коллективизм, стремясь нивелировать личность, в конце концов, приходит к массовому индивидуализму» [Сувчинский 1922а, 126–127].

К слову сказать, Савицкий подчеркивал, что Алексеева привлекли к евразийству в августе–сентябре 1926 г. именно Сувчинский и Карсавин [ГАРФа, 172]. Тем не менее к Сувчинскому Алексеев привязанности не испытывал, упомянув уже после войны, что тот «удирал» с евразийских собраний, «когда ему нужно было выступать (он обладал особой боязнью выступать публично)» [Slovanská knihovna, Алексеев, 1].

Не получивший советского гражданства в начале 1930-х гг., Сувчинский остался в Париже и продолжил заниматься музыковедением. После войны он вместе с Пьером Булезом создал знаменитый проект «Domaine Musical» [Козовой 2003, 109, 127]. В 1957 г. по инициативе Сувчинского возобновилась переписка между ним и Савицким, когда ранее непримиримые соперники сочли свои прежние разногласия несущественными [Slovanská knihovna, Сувчинский, 1]. Переписка прервалась очень быстро, поскольку Сувчинский счел, что письма от Савицкого «при-

ходили распечатанными», т.е. просмотренными чехословацкими властями.

Приняв советский марксизм в конце 1920-х гг. и этим разрушив евразийское движение, Сувчинский позже разочаровался в социализме как практике и идеологии. Признав однажды, «что сила там», впоследствии он изменил свое мнение. Поэт Вадим Козовой, близко общавшийся с Сувчинским в 1983–1985 гг., передавал его отношение к советскому государству так: «В свете будущего отношение было однозначным: либо Россия обретет новую объединительную идею для континентальных народов, либо империя, выросшая из прошлого и в настоящем движимая лишь инерционной свирепостью, окончательно распадется. Примерно так он писал... Как бы то ни было, к 70–80 гг. никаких иллюзий относительно советского государства, – я уже не говорю о режиме, тут всегда почти все было ясно, – у Петра Петровича не осталось совершенно» [Козовой 2003, 96]. Подобные перемены были бы нехарактерны для политического философа, но вполне гармонировали с личностью Сувчинского, переосмыслявшего многие идеи и символы ради рывка к новому во имя творческой революции. Политические и эстетические идеи могут иногда частично совпадать, что и доказала судьба известного музыковеда и публициста. И если эстетические взгляды Сувчинского были относительно устойчивы, то его (микро)политические воззрения – гораздо менее строги.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) См., например: *Степанов Б.Е.* Спор евразийцев о церкви, личности и государстве // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 г. – М., 2002. С. 74–174; *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. – М., 2008; Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // *Соболев А.В.* О русской философии. – М., 2008. С. 327–493; Из переписки евразийцев, 1921–1928 // *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. – М., 2010. С. 177–620; Переписка ранних евразийцев // Записки Русской академической группы в США. 2011/2012. Т. XXXVII. С. 9–228.

(2) См.: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. С. 30–37; *Вишневецкий И.Г.* «Евразийское уклонение» в музыке

1920–1930-х гг. – М., 2005. С. 58–67; Козовой В. О Петре Сувчинском и его времени // Козовой В. Тайная ось. – М., 2003. С. 83–162; Колобова Ю. Исход к постмодернизму: Сувчинский и музыка // Вестник Евразии. 2003. № 3. С. 8–24.

(3) См.: К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский / публ. Дж. Мальмстада // Диаспора: новые материалы. – СПб., 2001. Вып. 1. С. 327–347.

(4) К брюссельской группе относились Н.А. Перфильев, И.В. Степанов, С.С. Малевский-Малевич, В.В. Яновский; к пражской – П.Н. Савицкий, К.А. Чхеидзе, А.П. Антипов, А.А. Шеповалов; к белградской – В.А. Стороженко, Э. Хара-Даван; к парижской – Н.Н. Алексеев, Н.А. Клепинин, Н.А. Дунаев; к лондонцам – П.Н. Малевский-Малевич и В.А. Нарышкин.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГАРФа – ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 359.

ГАРФб – ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 2. Д. 480.

Алексеев 1936 – Алексеев Н.Н. Пути и судьбы марксизма. – Берлин, 1936.

Алексеев 1958 – Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188.

Алексеев, Ильин, Савицкий 1929 – Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). – Париж, 1929.

Вишневецкий 2005 – Вишневецкий И.Г. «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х гг. – М., 2005.

Глебов 2010 – Глебов С. Евразийство между империей и модерном. – М., 2010. С. 7–173.

Горький и его корреспонденты 2005 – От евразийства к признанию коммунизма: Переписка Горького с П.П. Сувчинским // Горький и его корреспонденты. – М., 2005. С. 443–492.

Евразийство 1932 – Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. – Прага, 1932. – 29 с.

Из переписки 2010 – Из переписки евразийцев, 1921–1928 // Глебов С. Евразийство между империей и модерном. – М., 2010. С. 177–620.

Информационный отдел 1933 – Информационный отдел // Евразиец. 1933. № 22. С. 9–10.

Карсавин 1927 – Карсавин Л.П. Феноменология революции // Евразийский Временник. Кн. 5. – Париж, 1927. С. 28–74.

Карсавин 1929 – *Карсавин Л.П.* О политическом идеале // Евразия. № 13. 1929. 16 февр. С. 2.

Козовой 2003 – *Козовой В.* О Петре Сувчинском и его времени // *Козовой В.* Тайная ось. – М., 2003. С. 83–162.

Колобова 2003 – *Колобова Ю.* Исход к постмодернизму: Сувчинский и музыка // Вестник Евразии. 2003. № 3. С. 8–24.

Корбут 1932 – *Корбут М.* Евразийство как белоэмигрантский фашизм и его агентура в СССР // Советское государство и революция права. 1932. № 8. С. 110–129.

Переписка 2011/2012 – Переписка ранних евразийцев // Записки Русской академической группы в США. 2011/2012. Т. XXXVII. С. 9–228.

Письмо 1933 – Письмо в редакцию «Евразийца» // Евразиец. 1933. № 22. С. 25.

Положения 1932 – Положения Рижской евразийской группы, предлагаемые на обсуждение в заседаниях ЦК // Евразиец. 1932. № 21. С. 9–11.

Соболев 2008 – Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // *Соболев А.В.* О русской философии. – М., 2008. С. 327–493.

Степанов 2002 – *Степанов Б.Е.* Спор евразийцев о церкви, личности и государстве // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 г. – М., 2002. С. 74–174.

Сувчинский 1922a – *Сувчинский П.П.* Вечный устой // На путях. Берлин, 1922. С. 99–133.

Сувчинский 1922b – *Сувчинский П.П.* Типы творчества (памяти А. Блока) // На путях. – Берлин, 1922. С. 146–176.

Сувчинский 1923 – *Сувчинский П.П.* Страсти и опасность // Россия и латинство. – Берлин, 1923. С. 16–39.

Сувчинский 1926 – *Сувчинский П.П.* Два ренессанса // Версты. 1926. № 1. С. 136–142.

Сувчинский 1927a – *Сувчинский П.П.* О ликвидации и наследии социализма // Евразийская хроника (Париж). 1927. № 8.

Сувчинский 1927b – *Сувчинский П.П.* Монархия или сильная власть // Евразийская хроника «Париж» 1927. № 9. С. 22–24.

Сувчинский 1928 – *Сувчинский П.П.* Новый Запад // Евразия. 1928. № 2. С. 1–2.

Сувчинский 1929 – *Сувчинский П.П.* О современном евразийстве // Евразия. 1929. № 11. С. 1–2.

Сувчинский 2008a – *Сувчинский П.П.* Сила слабых // Исход к Востоку. М., 2008. С. 41–46.

Сувчинский 2008b – *Сувчинский П.П. Эпоха веры // Исход к Востоку*. – М., 2008. С. 53–70.

Трубецкой 1921 – *Трубецкой Н.С. «Верхи» и «низы» русской культуры // Исход к Востоку*. – София, 1921. С. 86–103.

Трубецкой 2008 – *Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928*. – М., 2008. – 384 с.

Устрялов 2010 – *Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому: 1926–1930*. – М., 2010. 90 с.

Шевеленко 1994 – *Шевеленко И.Д. К истории евразийского раскола 1929 года // Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman (Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана)*. – Stanford, 1994. P. 376–416.

Mirsky 1927 – *Mirsky D.S. The Eurasian Movement // The Slavonic review*. 1927. Vol. 6. № 17. P. 311–320.

Slovanská knihovna, Алексеев – *Slovanská knihovna, Praha. T-SAV-II/9 (22). Алексеев Н.Н.*

Slovanská knihovna, Сувчинский – *Slovanská knihovna, Praha. T-SAV-II/56 (1). Сувчинский П.П.*

EVOLUTION OF POLITICAL VIEWS OF P.P. SUVCHINSKY AND EURASIANISM OF THE 1920s

B.V. NAZMUTDINOV

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

Summary

The article devoted to the evolution of P.P. Suvchinsky's political views during his participation in the Eurasianist movement in 1920s. His role in so-called “the Clamar schism” is especially underlined. This “schism” was especially inspired by theoretical, not only organisational contradictions. The separation of Leftist Eurasianist from the “Right wing” was affected by the radicalization of Suvchinsky's pre-Eurasianist views and also by the refusal of supremacy of religion in the public life. Besides, Suvchinsky also had started avoiding problem of the “East” and underlined the role of the “West”. Despite to the “Right-wing” of Eurasianism, Suvchinsky rejected Eurasianism as a dogmatic, formulated at the beginning of 1920s. He characterized Eurasianism as a multitude of ideas, which could be changed during the time. Afterwards,

N.S. Trubetskoj characterised these Suvchinsky's views as "aestetisation" of political position, usage of ideas as a palette for someone's drawing. Previously, Suvchinsky interpreted "Ideology" in "Ideocratic way", as a strict system of ideas, which dominated over the everyday activity. He grounded "Ideology" in the historical context, this mood inspired him to the legitimisation of status quo in the USSR. Pro-Soviet problematic, asserted by Suvchinsky, was consequently of special interest in the writings of "Right-wing" Eurasianists during the first half of 1930s.

Keywords: Russian emigration, Eurasianism, policy, ideology, social-political thought, musicology, religion, culture, nation, state, ideocracy, republica, monarchy, revolution, Clamar schism.

Nazmutdinov, Bulat – Ph.D. in Law, Associate Professor of National Research University "Higher School of Economics".

bnazmutdinov@hse.ru

Citation: NAZMUTDINOV B.V. (2017) Evolution of Political Views of P.P. Suvchinsky and Eurasianism of the 1920s. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 11, pp. 108-127.

REFERENCES

Alexeev N.N. (1936) *The Ways and Destinies of Marxism*. Berlin (in Russian).

Alexeev N.N. (1958) In Stormy Years. In: *New Journal*. 1958. Vol. 53, pp. 172-188 (in Russian).

Eurasianism: Declaration, Formulation, Theses (1932). Prague (in Russian).

From Eurasianism to Legitimation of the Communism: Letters of Gorky and P.P. Suvchinsky. In: *Gorky and His Correspondents*. Moscow, 2005, pp. 443-492 (in Russian).

Glebov S. (2010) *Eurasianism Between Empire and Modernity*. Moscow, pp. 177-620 (in Russian).

Karsavin L.P. (1927) Phenomenology of Revolution. In: *Eurasianist Edition*. Book 5. Paris, pp. 28-74 (in Russian).

Karsavin L.P. (1929) Towards to Political Ideal. In: *Eurasia*. 1929. No 13. 16 Febr. (in Russian).

Kozovoi V. (2003) About Pyotr Suvchinsky and His Times. In: *Kozovoi V. Secret Axis*. Moscow, pp. 83-162 (in Russian).

Letters of Classical Eurasianists. In: Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA. 2011/2012. Vol. XXXVII, pp. 9-228 (in Russian).

Letters of N. Trubetzkoy to P.N. Savitzky. In: Sobolev A.V. (2008) *About Russian Philosophy*. Moscow, pp. 327–493 (in Russian).

Mirsky D.S. (1927) The Eurasian Movement. In: *The Slavonic review*. 1927. Vol. 6. No 17, pp. 311-320 (in English).

Slavic Library, Praha. T-SAV-II/56 (1). Suvchinsky P.P. (in Russian).

Slavic Library, Praha. T-SAV-II/9 (22). Alexeev N.N. (in Russian).

Suvchinsky P.P. (1923) Passions and Dangerosity. In: *Russia and Latinism*. Berlin, pp. 16–39 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (1926) Two Renaissances. In: *Landmarks*. 1926. No 1, pp. 136-142 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (1927) Monarchy or Strong Power. In: *Eurasianist Chronic*. No 9. Paris, pp. 22-24 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (1927) Towards to Elimination and Heritage of the Socialism. In: *Eurasianist Chronic*. No 8. Paris, pp. 13-15 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (1928) The New West. In: *Eurasia*. 1928. No 2, pp. 1-2 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (1929) Towards to the Contemporary Eurasianism. In: *Eurasia*. 1929. No 11, pp. 1-2 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (2008) The Epoch of Faith. In: *Exodus to East*. Moscow, pp. 53-70 (in Russian).

Suvchinsky P.P. (2008) The Power of the Weak People. In: *Exodus to East*. Moscow, pp. 41-46 (in Russian).

Troubetskoy N.S. (2008) Tops and Bottoms of Russian Culture. In: *Exodus to East*. Moscow, pp. 86-103 (in Russian).

Troubetskoy N.S. (2008) Letters to P.P. Suvchinsky: 1921-1928. Moscow (in Russian).

Ustryalov N.V. Letters to P.P. Suvchinsky: 1926-1930. Moscow (in Russian).

Vishnevetsky I.G. (2005) «The Eurasianist trend» in Music During 1920s and 1930s. Moscow (in Russian).